

Елена Кириллова

Кто-то легко окликает меня

Подымается ветер,
Пустые дворы заметает
Рыхлым снегом февральским,
По лесу разбойно свистит.

Никого мы не встретим—
Земля в этот вечер пустая,
И в космическом вальсе
Она по орбите летит,

Увлекая в движенье
И ветер, и снег за собою,
Прихватив по дороге
Машины, людей, корабли,

И дома, и растенья,
И, в частности, дом наш с трубою—
Где, застыв на пороге,
Мы движемся в танце Земли.

Перед Рождеством

Пахнут руки лабрадором,
Свежим снегом пахнет стужа.
Погружусь в бездонный город,
Где мой взгляд кому-то нужен.

Корабли пустыни белой
Бороздят в снегу маршруты,
Подбирая то и дело
Граждан, празднично обутых

И одетых—слишком ярко
И легко, не по погоде:
Подходяще для подарка,
Что седой Зиме угоден.

Заметёт она, закружит,
Унесёт в чертог хрустальный.
Старый волк ей верно служит—
Домовитый, но печальный:

Обходя квадрат забора,
Откликается не сразу.
Он похож на лабрадора,
Белый и голубоглазый.

Мой мир постепенно уходит под воду,
А может—напротив—летит в небеса,
По зёрнышку памяти, по эпизоду.
Теряют объёмность холмы и леса.

Теряются звуки, стираются лица,
Меняется всё, на что падает взгляд.
И впору подумать, что жизнь наша снится
Кому-то из тех, что Вселенной рулят.

Снежная пыль подымается ввысь,
Крутит воронки, несётся навстречу.
Свой ли, чужой ли во мгле появился
Рядом—я точно его не замечу.

Ветер крупую лупит в лицо,
Лепит сугробы, спиралями вьётся,
Воет и чем-то гремит под крыльцом.
Дерево, листьев лишённое, гнётся.

Белая ночь обступает, звеня,
Сизое небо спускается крышей.
Кто-то легко окликает меня,
Кто-то оттуда—да слышу я, слышу!

То, что внизу,—подобно тому, что сверху.
Гермес Трисмегист

Падает слева естественный свет,
Падает справа на книгу листа.
Здесь исчисления времени нет—
Вечность и мудрость качают права.

Я выпадаю из возраста—вне,
Шарю потерянный ориентир
И нахожу—в угасающем дне,
Стабилизирующем этот мир.

Страшно без рамок, границ и опор—
Кожей почувствовать ветер Земли.
Не различаю я с тех самых пор
«Выше» и «ниже», «вблизи» и «вдали».

Августовская прогулка

По текущему августу ночью,
Поздно вечером—будет верней,
Каждый шаг по ухабам неточен
В перекрестье фонарных теней.

Фонарей золотистые чаши
Провисают в густую лазурь.
мЧС посылает всё чаще
Обещания ливней и бурь.

В тщетном поиске свежей прохлады,
Расслабления и ветерка
Мне по Киевской двигаться надо
На окраину—там, где река.

Пробираюсь вдоль стен новостроек,
Необжитых до этого дня.
Тёплый воздух с ближайших помоек
Настигает внезапно меня.

Поливает дорогу машина—
Будто не было утром дождя!
Прикурил сигарету мужчина
И отбросил её, уходя:

Догорая, весёлые искры
Оживляют пустой разговор.
Мы легки, только танки не быстры,
И броня не крепка до сих пор.

Опускается лета вершина
На ближайший к дороге обрыв.
Не кури сигарету, мужчина,
Не бросай её, не докурив!

Я устала от красного цвета,
Фейерверков и ярких витрин.
Где-то в сумерках знойного лета
Капибара—«травы господин»—

Бродит лесом, лежит у болота,
Прячет жирное тело в воде
Или скачет—вразвалку, галопом,—
Убегая. А может, к еде.

Хорошо ему всюду, комфортно:
Он хозяин, поэтому—прав.
Но при этом квадратная морда
Отражает доверчивый нрав.

Много чуждых и ласковых тварей
Населяют леса и моря,
Но я думаю о капибаре
Тёплой ночью в конце сентября.

По лестнице вниз я спускаться боюсь—
Там холодно, сыро и очень темно.
Там бегают мальчик соседский, и пусть,
Но я не хочу, не пойду всё равно.

Тугие засовы тяжёлых дверей
Гремят в коридорах окрестных квартир,
Надёжно скрывая домашних зверей,
Теряющих в городе ориентир.

Я тоже теряю опору и цель:
По абрису выйти уже не судьба.
И падают двери входные с петель,
И рёвом протяжным зовет труба:

Постой и опомнись—куда и зачем,
Какие сигналы тебе подадут?
Стою. Серый кот у меня на плече,
На крыше архангелы тихо поют.

Здесь высоки по-кулацки заборы—
Видимо, есть что беречь и стеречь.
Сядь на крылечко, примкни к разговору:
Громкая, хором, бессвязная речь.

Тёмная улица, тёплое лето,
Бархатный вечер приглушит огни.
Голос знакомый послышится где-то.
Кто там?—Не видно. Беги, догони.

Тихо качнётся вишнёвая ветка,
Вишню блестящую тайно сорву.
Смутно белеет во мраке беседка,
Ветер колышет густую траву.

Время гречневой каши в брикетах
И варённых вкрутую яиц,
Раскалённого длинного лета
И галдящих под окнами птиц,

А весною—зелёного шума,
Непроглядных, густых вечеров
И товарищей—глупых и юных,
Наполнявших квадраты дворов.

Силуэты из прошлого тают...
Не вернуться, не встретиться—жаль.
Но бывшее сквозь дни прорастает,
Как побеги сквозь старый асфальт.

● ● ●
Я люблю эту осень с холодным дождём,
Гололёдом внезапным и снежной пылью.
На всех подступах город Зимой осаждён,
И ноябрь ступает ко мне на крыльцо,

Открывая период густой темноты
На пустых тротуарах с пяти до восьми,
По которым идут только эхо—и ты
(Телефон, бутерброды и пропуск возьми).

На ветру уцелевшие листья дрожат,
Разноцветьем играя сквозь снежную пыль,
И, не выдержав ветра, слетают, кружа.
...Кто-то булки печёт, добавляя ваниль,—

Верно, дух из кондитерской, что на углу,
Привлекает свободно текущий народ,
Непривычный противиться «сладкому злу»,
До которого только один поворот.

Но редет толпа, и кончается день,
По Нахимова мерно машины снуют.
Я замёрзла, бродя среди каменных стен,
И по-зимнему тянет в тепло и уют.

Вечерами промёрзшими глянешь в окно—
Проясняется даль, и прозрачнее свет.
Я люблю эту осень холодную, но
Жаль, что солнца, по-летнему тёплого,—нет.

● ● ●
Фениксы-птицы сбиваются в стаи,
Стаи летают над нашим селом
Только сегодня, а завтра—растают,
Только сегодня, а завтра—облом,

Сказка закончится, быт повернётся
Воротом ржавым колодца-села.
Ветер расходится, деревце гнётся:
Сказка закончилась, быть умерла.

Деревце тонкое, печь с пирогами,
Реки глубокие—не переплыть.
Да по камням, да босыми ногами...
Помнить, надеяться, верить и жить.

● ● ●
По аллеям среди молчания
Забредя в золотое крошево,
Мы попали сюда нечаянно—
По пути из чужого прошлого:

Там, где осень следы оставила,
Паутину плетя непрочную,
А теперь поменяла правила—
Тишиною звенит полночною

И бросается в окна тёмные
И на шею—в неё смотрящему.
У печали глаза огромные
И объятия—настоящие.

Не гляди в темноту оконную:
Может, кошкам и разрешается,
Разгоняя тревогу сонную,
По балконам открытым шариться,

Проверяя своё везение,
И смотреть в невесомость истова.
...Золотая печаль осенняя
Рассыпается в небе искрами.

● ● ●
Серый день за моим оконцем.
Я смотрю на пустое небо—
Крокодилы сожрали солнце,
Златокудрого бога Феба.

Крокодилы слезу роняют:
«Как-то стало смеркаться рано»,—
И затмением объясняют
Этот сумрак и холод странный,

Что людей настигает дома,
В час дневной, в середине лета...
Я не знала, что так весома
Эта горстка дневного света.